

Pospíšil, Ivo

Славистика, литература и переписка брненских филологов

Новая русистика. 2016, vol. 9, iss. 2, pp. 119-[137]

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136064>

Access Date: 03. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Славистика, литература и переписка брненских филологов

The Slavonic Studies and the Correspondence of Brno Philologists

Иво Поспишил
(Брно, Чешская Республика)

[**статья**]

Abstract:

The author of the present study deals with the problems of personal documents, especially correspondence, of two selected Brno philologists connected with Slavonic studies—confirming the permeation of academic philology at Czechoslovak universities and current literature, literary criticism and domestic literature and culture in general, the situation which is gradually fading away now. The material is based on some specimens of the correspondence of the two Brno scholars—František Chudoba (1878–1941), an anglicist whose commentaries upon university lectures at Czech Charles University at the end of the 19th century as well as his remarks concerning his stay in England (Cambridge, Oxford, London) where he kept close personal relations with several important figures of current British cultural life, including Robert William Seton-Watson (1879–1951), represent valuable scholarly documents, and Oleg Sus (1924–1982), one of the brilliant specialists in aesthetics in postwar Brno university who competently analysed the roots of Czech structuralism as well as the substance of Czech and international modernism and avantgarde. The above-mentioned letters are kept in the Archives of Masaryk University together with other documents manifesting the compact philological thought which reflected the achievements of current aesthetics, literary scholarship and culture studies.

Key words:

Correspondence of Brno philologists before and after the Second World War; František Chudoba and Oleg Sus; permeation of academic philology and current literary criticism; literature and culture; foreign and domestic philology; the significance of personal correspondence

Между тем как в своем исследовании на брненской конференции о значении переписки и других личных документов в славистике я сосредоточился на корреспонденции и личных документах брненских славистов, в том числе Алоиса Аугустина Врзала, Йиржи Горака, русских Сергия Вилинского и Романа Якобсона, в стороне остался корифей брненской литературоведческой славистики Франк Вольман (Pospíšil 2012). В настоящей работе, которая является составной частью моих общепилологических исследований, касающихся некоторых аспектов брненской славистики, романистики, германистики и англистики, я пытаюсь показать внутренние связи филологий в Университете им. Масарика, которые образовали сеть полезных контактов, способствующих развитию не только нашей науки в широком смысле слова, т. е. филологии или, точнее, самого литературоведения как спекулятивного учения, которое в некоторых языках и национальных средах вообще не считается наукой в смысле точных и естественных наук, но и развитию культуры в целом и определенной национальной культуры в особенности.

После смерти жены брненского эстетика Олега Суса (1924–1982) его личные документы попали в архив Университета им. Масарика. Отец Суса — Михаил Яковлевич Сус — был потомком кубанских казаков, с 1921 г жил. в Чехословакии, мать Суса была чешка. После окончания учебы в гимназии в брненском квартале Гусовице, он поступил на философский факультет Масарикова университета, на котором он учился в 1945–1949 гг. — его специализациями была эстетика, философия и литературоведение. Его докторской работой (на степень доктор философии) была работа «Фильм в капиталистическом обществе»; он был марксистским эстетиком и искусствоведем, которым он не переставал быть и после своего увольнения с факультета в 1970 г. в начале так называемой нормализации после оккупации страны армиями пяти государств Варшавского договора. Он был сначала аспирантом, потом старшим ассистентом Семинара эстетики. Его работа охватывала, в основном, две сферы: во-первых, теорию литературы, эстетику литературы и музыки, историю структурализма, семантику и семиотику, во-вторых, литературную критику. Он стал ведущим чешским эстетиком 60-х гг. XX века, работал и писал в журналы, которые стали доминирующими в бывшей Чехословакии: *Host do domu*, *Index*, *Věda a život*. Регулярно он писал свои статьи и критические разборы для других журналов, в том числе *Plamen*, *Kultura*, *Literární noviny*, *Student*, *Československá rusistika*; в чехословацкую среду он своими предисловиями вводил книги Эрнеста Фишера, «Историю эстетики» Эверетт Гилберт и Гельмута Куна, издал избранное Отакара Зиха, в годы нормализации писал в журналы бывшей Югославии (*Izraz*), *Zagadnienia rodzajów literackich*, *Welt der Slawen*, *Poetics*, *Wiener Slawistischer Almanach*, *Wiener Slawistisches Jahrbuch* и т. д. В 80-е

годы появились два самиздатовских сборника *in memoriam*. Его ближайшим человеком в эти трудные годы был сотрудник Чехословацкой Академии наук, литературный критик Ладислав Солдан. Некоторые из книг Олега Суса после 1970 г. были ликвидированы (*Metamorfózy smíchu a vzteku*, 1963, 1965; *Geneze sémantiky hudby a básnictví v moderní české estetice*, 1969, 1990; *Estetické problémy pod napětím*, не вышло).

Главное его занятие в годы нормализации — история чешского структурализма. Он — в отличие от неоструктуралистов — подчеркивал чешские корни, чешский формизм, Рене Уэллек, как известно, говорил о немецких а русских корнях Пражской школы [ERLICH 1955; ERLICH 1964; ERLICH 1996; POSPÍŠIL, ZELENKA 1996].

Сус вел обширную переписку с разными лицами с 60-х гг. до своей преждевременной смерти. Среди них особое место занимают Ружена Гребеничкова, Милан Благинка, Моймир Грыгар, важны и два коротких письма молодого драматурга Вацлава Гавла, с которым Сус готовил «дерзкое» интервью для брненского журнала *Host do domu*. Интересно то, что эта беседа послужила началом известного триалога конца 60-х гг. XX века, в котором сталкиваются полемические мнения Вацлава Гавла, Милана Кундеры и брненского эстетика Ярослава Стржищецкого, близкого Сусу человека, в 60-е годы ученика Теодора Лудвига Визенгрунд-Адорно (1903–1969), основоположника франкфуртской школы, близкой к марксизму. Время показало, что все три мнения обоснованы, хотя сейчас положительно оценивается скорее позиция Кундеры и Стржищецкого — речь идет об исторической роли чешской нации и 1968 году. Корреспонденцию Суса можно разделить на две части: одна касается его редакторской деятельности в разных литературных журналах, другая разных научных концепций, в том числе происхождения и корней чешского структурализма. В этом смысле особо ценна переписка с Моймиром Грыгаром (рожд. 1928), в которой обнаруживаются и возможные следы изменений во взаимных отношениях.

Второй исследователь-филолог Франтишек Худоба (1878–1941) представляет собой особый интерес уже в связи с тем, что он является одним из авторов пресловутых «отдельных голосов» (*vota separata*), направленных против профессорской кандидатуры Романа Осиповича Якобсона (1896–1982) на философском факультете Университета им. Масарика.

Франтишек Худоба, сконцентрировавшийся на разборе взглядов Якобсона из статьи *O dnešním brusičství českém*, который потом вышел в книге *Spisovná čeština a jazyková kultura* (1932), сочинил *votum separatum* как результат критического обсуждения яacobсоновской методологии. Тем не менее, это обсуждение Худобы часто отбрасывается как проявление старомодности, консерватизма,

национализма и ксенофобии, но все-таки обратим внимание — *sine ira et studio* — на его смысловое ядро. Худоба, в первую очередь, озадачен тем фактом, что Якобсон — «иностранец, только-только научившийся говорить по-чешски» («*cizinec, který se teprve nedávno naučil poněkud česky*») — высказывается по поводу современного чешского языка и «обескураживает своей неуместной резкостью, а иногда и скрытой насмешкой» («*zaráží svou nemístnou příkrostití a někdy i zastřeným posměchem*»). Автор, которому принадлежит вотум, указывает прежде всего на волюнтаризм Якобсона: Йозефа Зубатого, некогда главного редактора журнала *Naše řeč*, тот называет «гениальным художником на ниве чешской филологии» («*geniálním umělcem na poli české filologie*»), но «его очищающее творчество он подрывает и приводит к несерьезности» («*jeho očištné dílo podřívá a uvádí v nevážnost*»). Следующие страницы своего вотума Худоба посвящает тому, чтобы продемонстрировать стремление Зубатого к чистоте чешского языка. Одновременно он опровергает высказывания Якобсона о том, что так называемое «онемечивание» чешского языка является одной лишь демонстрацией, националистической политикой, для которой более подходящим определением был бы расизм. Худоба отвергает такое обозначение, а с ним и то, что с призраком германизации покончено. «*Dr. Jakobson, který je naprostý cizinec, česky se sotva naučil a českého jazykového citu mít nemůže a nemá, jak ukazují některé jeho práce, jichž neupravoval český odborník jako jeho stať *O dnešním brusičství českém* (prof. B. Havránek), zapomíná, že my Češové nejsme jenom Němci mluvící česky a že nám nemůže být jedno, je-li naše řeč bídnou hatmatilkou česko-německou, jak nedávno prof. Trávníček nazval chatrnou češtinu některých našich přírodovědců. Zapomíná také, že není jeho právem ani úkolem vměšovat se takovýmto způsobem do našich snah po očištění a vytříbení naší řeči mateřské. Takového vměšování by nesnesl žádný vzdělaný národ, který jako národ za něco stojí, ani kdyby smělý cizinec znal jeho řeč mnohem důkladněji, nežli jak Dr. Jakobson zná česky, a své názory mu vnucoval příjemnějším způsobem, nežli činí on*».

Вслед за тем Худоба указывает на неточности и взаимоотрицающие утверждения в критике Якобсона в отношении редактора журнала *Naše řeč*, Йирижи Галлера. Если обобщить суть вотум *separatum* Худобы, то мы придем к выводу, что автор с моральной и профессиональной точки зрения лишает Якобсона права компетентно высказываться по поводу чешской языковой политики, что он сомневается в бесспорности его научного метода (в сущности, он упрекает его в волюнтаризме, манипулировании цитатами, в аргументационной непоследовательности) и ловко приплетает сюда профессоров, бывших членами профессорского совета, и ставит их *via facti* в позицию против Якобсона (Травничек, Гавранек как чешский корректор работ Якобсона) или же неявно

сомневается в их беспристрастности — хотя и не говорит об этом прямо. Вотум завершается, разумеется, протестом против утверждения проекта (вотум датирован 24-м января 1933 г.).

Франтишек Худоба — моравлянин по происхождению; доцентскую работу (абилитацию) защитил в Карловом Университете; будучи студентом, он занимался богемистикой и германистикой, в рамках которой преподавалась и англистика. Весь объем его научного наследия находится сейчас в архиве Масарикова университета, включая огромное количество университетских записок, которые касаются и лекций проф. Масарика. Все указывает на большой интерес Худобы к философии, в особенности к онтологии и к общим филологическим вопросам. Он не раз побывал в Великобритании, Германии — в Оксфорде, Лейпциге и Берлине. Доцентом он стал в Праге в 1912 г., профессором в заново основанном Университете им. Масарика в 1920 г. Интересно то, что в Брно он стал первым англистом-литературоведом, хотя в его понимании речь шла о филологии как таковой, как, например, в случае Матия Мурко (1861–1952) [POSPÍŠIL 2003; POSPÍŠIL 2005; POSPÍŠIL 2012]. Он написал несколько книг, между прочим, о чешско-английских литературных связях, об английском романтизме, в особенности об Уильяме Вордсворте (1770–1850), стал автором портретов выдающихся английских писателей; английских романтиков он также издавал в своих чешских переводах. К его основным произведениям относятся и две книги о Шекспире, издание под конец жизни, эссе об английской литературе *Под деревом зеленым / Under the Greenwood Tree* (название парафразирует название известного романа английского натуралиста Томаса Гарди/Hardy, изданного анонимно в 1872 г.). Его работа на поприще ознакомления английской читательской публики с чешской литературой сконцентрирована в обзоре чешской литературы [CHUDOBA 1911; CHUDOBA 1912; CHUDOBA 1915; CHUDOBA 1920a; CHUDOBA 1920b; CHUDOBA 1921; CHUDOBA 1924; CHUDOBA 1932; CHUDOBA 1941; CHUDOBA 1943; CHUDOBA 1947].

В связи с заслугами Худобы по отношению к брненской англистике и в переносном значении и к славистике следует сказать, что его учениками были известный лингвист Йосеф Вахек (1909–1996), его ученик Ян Фирбас (1921–2000), всемирно известный специалист по актуальному членению предложения — функциональной перспективе предложения — functional sentence perspective — литературовед Карел Штепаник (1903–1970) и его ученики и коллеги, мои учителя, в том числе Джесси Коцманова (Jessie Kocmanová, 1914–1985), Лидмила Пантучкова (Lidmila Pantůčková, 1923–2003), Алеш Тихи (Aleš Tichý, 1931–1988) и другие. Следует также заметить, что все они основывают свои исследования в лингвистике и в литературоведении на сравнительном подходе.

Важны и записки Худобы, относящиеся к его пребыванию в Оксфорде на рубеже XIX и XX веков, в которых запечатлено и состояние Oxbridge как таковых, и тогдашние университетские обычаи, и привычки. Особо объемны его записки лекций Т. Г. Масарика. В годы своих английских стажировок он завязал дружеские отношения с некоторыми известными людьми, в том числе с Робертом Уильямом Сетон-Уотсоном (Scotus Viator, 1879–1951). Корреспонденция с англичанами велась, разумеется, на английском языке.¹

То, что нас интересует больше всего, связано с ролью Худобы в чешской и чехословацкой культурной и политической жизни — и это уже касается славистики в широком смысле. Его переписка с литературным критиком Ф. Кс. Шальдой была издана посмертно в 1945 г. Также в его переписке важны письма Л. Яначека, Ярослава Квапила, Вилема Матезиуса, Зденька Неедлы, Арне Новака и др. В сущности, нет видного лица в чешской культурной жизни межвоенного периода, с кем бы Франтишек Худоба не общался или/и с кем не был бы в письменном контакте. Главным образом, он устанавливал связи со славистами, критиками, писателями — интересно, например, письмо Карла Чапека, хотя он в Англии пользовался скорее помощью Отакара Вочадло (1895–1974) [VOČADLO 1975], конкурента и критика Рене Уэллека (René Wellek, 1903–1995).

Оба исследователя относились к разным поколениям: Франтишек Худоба связывал XIX и XX века и его творчество возникало в 10-40-ые годы XX века; он остался традиционным последователем, с одной стороны, позитивизма, с другой, стал филологом с духоведческой ориентацией (Geisteswissenschaft), социологом и психологом литературы, т. е. скорее методологическим эклектиком в наилучшем смысле слова, хотя он общался и с членами Пражского лингвистического кружка.

Вершина творчества Олега Суса связана с чешским модернизмом, авангардом, с поисками корней пражского структурализма, с обсуждением текущей чешской литературы с 50 по начало 80-х гг. XX века.

Между тем как Худоба был традиционным филологом, связывающим воедино изучение языка и литературных текстов, Сус тяготел к эстетике, музыке, трансцендируя к более общим взглядам на сравнительно-эстетические проблемы художественного творчества. Оба представляют собой конфликт XX века — противопоставление традиционных историко-позитивистско-духоведческих методов и синхронно-функциональных. Одновременно, однако, кроме известных споров, оба исследователя строили особые мосты между академической, немного холодной филологией и рефлексией текущей лите-

1 Публикации некоторых писем будет посвящена особая работа автора.

ратуры, культуры, политики и национальной жизни; каждый строил эти мосты особым образом при особых обстоятельствах. Эти споры, внешние и внутренние, одновременно, однако, и общие места обоих подходов, оставили неизгладимые следы в анатомии и физиологии чешского литературоведения и культуроведения XX века и с его международными трансценденциями.

Жаль, что после политических переворотов конца 80-х гг. XX века некоторые филологические дисциплины и кафедры в чешских университетах отрезались от плодотворных традиций прошлого; речь идет не об имитации, подражании, копировке, а о простом знании прошлого этих специальностей; современные студенты вообще не знают, кто их специализацию преподавал и разрабатывал раньше, в прошлом, какое отношение кафедры или института к предшественникам, т. е. нарушилась естественная преемственность поколений — это, однако, болезнь нашего века во всех областях общественной жизни, в политике, науке и искусстве: «Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (цитата А. С. Пушкина: из его известного романного фрагмента «Гости съезжались на дачу») [POSPÍŠIL 2006].

Три письма²

Роберт Уильям Сетон-Уотсон (1879–1951)³ Франтишеку Худобе

Письмо-машинопись насчитывает 3 страницы большого формата, находится в Архиве Университета им. Масарика, фонд Б 95. Картон 2, идентификационный номер 48. Вверху находится номер телефона, дата и адрес, письмо обозначено как «Confidential» (конфиденциально, секретно). Письмо требует особой интерпретации и введения в широкий контекст, связанный с изданием журнала *The Slavonic Review*, предшественника нынешнего журнала *The Slavonic and East European Review*. Одновременно оно показывает и внутренние споры, и подспудные свидетельства о проблемах, с которыми новое чехословацкое государство встречалось в Великобритании — они усложняли восприятие в Британии чешской культуры и национальной политики межвоенной Чехословакии; о новом государстве было очень мало известно в широких политических кругах. Упомянутая «статья Верштадта» касается работы чешского историка Ярослава Верштадта (Jaroslav Werstadt, 1888–1970), который после Первой мировой войны и возникновения Чехословакии принимал

2 Автор статьи выражает свою благодарность руководству Архива Университета им. Масарика в Брно и другу, бывшему директору Атхива д-ру Йиржи Пульцу.

3 Из-за всеобщей известности комментировать личность корреспондента считается избыточным.

активное участие в поддержке политики Т. Г. Масарика, писал о нем и о Сетоне; в годы немецкой оккупации страны (1939–1945) был заключенным в концлагере Бухенвальд, после коммунистического переворота отправлен в отставку и подвергся остракизму. Это, наверное, связано и с недоразумениями, о которых так решительно пишет Сетон Уотсон. Письмо содержит и данные, и проблемы, связанные с работой Школы славянских исследований (School of Slavonic Studies, под названием The Slavonic and East European Studies – SSEES, до сих пор составная часть Лондонского университета, хотя с другой программой), возникшей при участии Масарика и Сетона Уотсона. Автор настоящей статьи просит воспринимать следующие публикации избранных писем лишь как манифестацию связей обоих брненских филологов со славистикой и широким культурным контекстом.

Публикуется без изменений правописания и индивидуальных привычек написания и стиля.

TEL. Victoria 5035

1, Buckingham Street,
Buckingham Gate, S. W. 1.

25 March 1926

Confidential

Dear Chudoba,

I ought to have written to you long ago but had to go to hospital just after Christmas for a slight operation and was consequently laid up for a whole month, and on my return found such arrears of work that my correspondence has suffered considerably. I now have your letter of 1 March.

With regard to the Werstadt article, there is nothing to be done but to confess the whole thing. When I went abroad in April 1925 I handed over a dossier of all MSS. etc., for the Review to Miss Humby who was then our secretary, as the June number was to appear in my absence. I am not clear whether the second Werstadt article was already in this dossier or only arrived here after my departure. In any case, while I was abroad Miss Humby quarrelled with Sir Bernard Pares and was dismissed. From what I gathered on my return, I can only suppose that she must have become a little peculiar in the head. She left suddenly, and deliberately left all papers and files of the School of Slavonic Studies in unspeakable confusion. Throughout the summer Pares was dependent on temporary assistance. In the autumn his former secretary at the Liverpool School came to us, and being extremely efficient, has rapidly restored order.

But personally, I am inclined to suspect that this MS., if it was there, was deliberately destroyed. There certainly seems to be no doubt that it is no longer there, and it never was in my hands at all.

I am exceedingly sorry and annoyed, and am writing to Dr. Werstadt himself about it. I quite understand how disagreeable it is to you. I hope you will realise that it is even more so to me.

Incidentally it raises a question which has more than once occurred to me in connection with Czech MSS. Personally, ever since I first began to write, I have never sent any MS through the post without keeping a copy, with the result that if any mishap occurred, I was at the worst compelled to make a fresh copy. It is possible that nobody in Bohemia takes this elementary precaution? I do not want to minimise for a moment our blame in the matter, but I do think that people are asking for trouble when they do not keep rough copies of their MSS.

Having apologised most humbly to you and Dr. Werstadt, I am bound to add something more. I entirely agree with you that it is good to be frank and outspoken, and have never taken amiss the extremely frank remarks in some of your previous letters. But with the best will in the world, I am bound to say that your letter of 1 March goes a very long way beyond the limits of what one friend may reasonably be expected to accept from another in amicable correspondence. If you were going on writing like that, I simply shouldn't be able to continue the correspondence.

As regards the March number of the Review, I am publishing "Two Losses to Czech Art", an article of Osuský on the Herron-Lammasch negotiations⁴ and a long article of the Chicago Professor James Westfall Thompson, on the Germans in medieval Bohemia. Your review on the Lusatian book is most welcome but will, I fear, have to wait till the June number as we are crowded out with reviews.

I am writing to Professor Pražák direct about a possible article on Štúr and Hurban for next number. The article of Dr Dostál on Czech Illuminators sounds very attractive, but would it not involve illustrations? I am sure we should not have room for it in June.

I am afraid there is not much chance of publishers sending a copy of the Hollar book. It is big and expensive and they probably do not care about our Review, owing to its limited circulation.

Yours very sincerely,

R. W. Seton-Watson

4 См. [Unterberger 1989]. Примечание наше (Иво Поспишил).

Якуб Демл (1878–1961) Франтишеку Худобе

Написано рукой на чешском языке, типичной манерой (почерком) Демла, выразительными буквами, с заголовком издательства серии «Шлепейе» (Šlépěje, по-русски «Следы», блестящее произведение Демла, вроде дневника писателя, напоминающее метод Достоевского и Леона Блуа, 1846–1917, коллаж текстов, тт. 1-26, 1917–1941). Письмо представляет собой свидетельство изменений взглядов Демла на литературу и политику после переворота 1918 года и на взаимные связи писателя и англиста. Речь идет об изменении его отношений к Йосефу Флориану с его католическим издательством и к поэту Йосефу Сватоплуку Махару. Публикуется без изменений правописания и индивидуальных привычек написания и стиля.

23. IX. 1920

Vydavatelstvo
Šlépějí
Bělá u Bezděze
Čechy

Milý pane profesor,

Nikterak jsem na Vás nezapomněl, ale chtěl jsem Vám popřát klidu a mimo to neměl jsem sám tolik pokoje, abych zodpověděl Vaši otázku o Macharovi. Toho pokoje nemám ani dnes, bydle v kuchyni s mnoha jinými lidmi a každou chvíli někdo se mne na něco ptá a nebo něčeho žádá. Přece však aspoň slovíčko musím Vám říci. Dnes už nevím a nemohu se upamatovati, proč jsem tu větu o Macharovi tehdy napsal, jenom tolik vím, že jsem byl tehdy ještě v povijanech jezuitsko-habsburské výchovy a ve služnách Josefa Floriana, strašného žáka strašného mistra Leona Bloy. Byla to moje „Sturm und Drang“ perioda, které Jaroslav Durych říká „zelená“. Od toho času jsem se dosti změnil, nabyv zkušeností, už před 10 lety jsem se s Josefem Florianem docela rozešel a moje změna jest v tom, že se vracím, pokud vůbec možno, ke snům svého mládí. Josef Florian mne inspiroval, komandoval a také nadužíval pro své vlastní plány a ideje katolicko-imperialistické. Používal mne často jen jako pán svého psa a určoval mi, proti komu mám se vyřítit a věděl, že mi není třeba mnoho napovídat, stačilo udati intonaci – výrostku, jemuž věru není proti mysli nějaká ta pranice: a já byl tehdy tolik roztrpčen neúspěchem díla Bílkova a netečností kléru k duchovnímu dílu Ot. Březiny. Bolelo mne (k vůli Březinovi), že Machar je tak přeceňován. Dnes se tomu všemu jen usmívám, díla Macharova celá ta léta jsem nečetl, kromě jeho článků za války, článků

politických, které mi velmi chutnaly – a tak co mohu říci o Macharovi dnes? Aspoň to, že za ta leta změnil se i on a v Praze řekl mi universitní profesor laik, že by dnes napsal Machar svou „Magdalenu“ zrovna naopak. Neřekl toho těmito slovy. Ale já Vám o tom píši eufemisticky.

Ten Váš rukopis jsem dnes šťastně vylovil z potopy svých papírů, posílám jej a prosím, abyste mi ten článek o Swedenborgovi přeložil, můžete-li ještě.

Pozdravuji Vás oddaně.

Jakub Deml

Ружена Гребеничкова Олегу Сусу

Письмо Ружены Гребеничковой (Ružena Grebeníčková, 1925–1997), известного чешского литературоведа, специалиста по романским, славянским и германским литературам, автора нескольких книг по методологии литературоведения, представляет собой машинопись, занимающую одну страницу большого формата; датировано 2/VII 1964. Интересны ее фрагментарные размышления о русских формалистах. Тематически письмо связано с работой Олега Суса в качестве редактора брненского литературного журнала «Гост до дому» (Host do domu). Оно находится в фонде «Олег Сус» в Архиве Масарикова университета в Брно, **В 144 – Sus, karton 8/220**. Публикуется без изменений правописания и индивидуальных привычек написания и стиля, включая и разного рода упущения.

R. Grebeníčková

Praha 1

Hradčanské n. 11

Milý O. Susi,

Promiňte mi, byla jsem na tom a jsem momentálně ještě špatně, článek mám sice napsaný, ale nedostala jsem vůbec k tomu dát jej přepsat (sama píši na stroji stejně nečitelně jako ručně), za zítřek mi jej však přepíše, takže bych jej ještě večer poslala do Brna.

Prosila bych Vás o jedno – vzpomněla jsem si nad tím, co píšete v Hostu ke Skoumalovu Sternovi, že soustředění formalistů k shandysmu nemůže mít skutečný impuls v ruské tradici. A chtěl jsem se Vás zeptat, není-li tu přece jen vlastní podnět v Německu (nakonec všechny hlavní podněty formalistů přišly z Německa, i když to

není na první pohled vidět a i když formalisté z původně přejatého udělali něco docela originálního atd.). Formalisté si vliv Sterna v Rusku nevymyslili a nevzali ho ani jen ze Sipovského, udělali si sice ze sterniánství svůj objev – ale napřed ti byly náměty, rozvířená moda kolem Tristrama Shandyho (nemýlím-li se Kassnerův překlad vyšel v této době této mody před první světovou válkou) atd. To jsem se Vás chtěla zeptat, napadlo mi to nad Vaším článkem (teď se mi zdá, že Vám sugeruji nejen, „že o tom musíte vědět“, ale i „že jste zavinil tento dotaz“ – ale byla bych Vám velice vděčna za odpověď.

Omlouvám se ještě jednou, nakonec i za toto psaní, protože píši ještě napůl nemocná a docela připitomělá.

Se srdečnými pozdravy

R. Grebeníčková

Приложения: выдержки из корреспонденции:

- C. 133: выдержка из записок Худобы лекций Т. Г. Масарика по ноэтике
- C. 134: Письмо Карела Чапека как заведующего литературной частью Виноградского театра
- C. 135: выдержка из письма Вацлава Черного
- C. 136, C. 137: краткие письма Вацлава Гавела, связанные с запланированным интервью для брненского журнала «Гост до дому» (Host do domu). Разговор под названием Drzý interview Hosta s Václavem Havlem (Дерзкое интервью «Госта» с Вацлавом Гавелом) был опубликован в журнале Host so domu 1966/8, 13, с. 20–21 (см. также <https://archive.vaclavhavellibrary.org/viewArchive.php?mainBody=searchResult&docType=Novinový+výstřižek&storage=Knihovna+Václava+Havla++digitální+archiv&docYear=1966>).

Библиография:

- ERLICH, V. (1955): *Russian Formalism: History—Doctrine*. With a preface by René Wellek. S'Gravenhage.
- ERLICH, V. (1964): *Russischer Formalismus*. München.
- ERLICH, V. (1996): *Ruskij formalizm: Istorija i teorija*. Sankt-Peterburg.
- CHUDOBA, F. (1911): *Wordsworth: pokus o třídění*. Praha.
- CHUDOBA, F. (1912): *Listy psané Johnu Bowringovi*. Praha.
- CHUDOBA, F. (1915): *Básníci, věštci a bojovníci*. Praha.
- CHUDOBA, F. (1920a): *Básníci, věštci a bojovníci*. Plzeň.
- CHUDOBA, F. (1920b): *Percy Bysshe Shelley: Výbor z prósy*. Přeložil, úvod a poznámky napsal F. Chudoba. Praha.
- CHUDOBA, F. (1921): *Básníci, věštci a bojovníci*. Plzeň.
- CHUDOBA, F. (1924): *A Short Servey of Czech Literature*. London — New York.
- CHUDOBA, F. (1932): *Pod listnatým stromem: essaye*. Praha.
- CHUDOBA, F. (1941): *Kniha o Shakespearovi. Díl I., Prostředí a život*. Praha.
- CHUDOBA, F. (1942): *Básníci, věštci a bojovníci*. Praha.
- CHUDOBA, F. (1943): *Kniha o Shakespearovi. Díl II. Dílo*. (Uspořádal Bohdan Chudoba). Praha.
- CHUDOBA, F. (1947): *Pod listnatým stromem*. Uspořádal Bohdan Chudoba. Praha.
- POSPÍŠIL, I. (2003): *Poznámky k žánrovým a narativním aspektům Murkových Pamětí*. In: Murkova epocha slovanské filologie. Slavia, č. 3, s. 80–84.
- POSPÍŠIL, I. (2005): *Matija Murko a vybrané problémy literární vědy*. In: POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M. (eds.): *Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky*. Sborník studií. Brno–Ljubljana, s. 46–53.
- POSPÍŠIL, I.: (2006): *Romannaja oderžimost' kamerdinera Aleksandra Puškina*. Zagadnienia Rodzajów Literackich 49, z. 1–2, s. 5–22.
- POSPÍŠIL, I.: (2010): *Rossija i Central'naja Jevropa s osobym učetom češko-russkich literaturnych svjazej*. In: *Universalii russkoj literatury 2*, sbornik statej, red. A. A. Faustov. Voronež, s. 606–628.
- POSPÍŠIL, I. (2012): *Istorija brnenskoj slavistiky v perepiske i ličnych dokumentach (izbrannyje glavy)*. In: *Slavica Litteraria*, X 15, supplementum 2. Razvitije slavistiky v zerkale ěpistoljarnogo nasledija i drugih ličnych dokumentov. Vývoj slavistiky v zrcadle ěpistolárního dědictví a jiných osobních dokumentů. Eds: Sergio Bonazza, Ivo Pospíšil, s. 125–140.
- POSPÍŠIL, I. (2012): *Nekaj razmišljanj o filoloških konceptih Matije Murka: trajnost in minljivost*. Primerjalna književnost 35, št. 3, s. 179–191.
- POSPÍŠIL, I. (2015): *Metodologija i teorija literaturovedčeskoj slavistiky i Central'naja Jevropa*. Colloquia litteraria Sedlcensia XXI. Siedlce.

POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M. (1996): *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky*. Brno.

UNTERBERGER, B. M. (1989): *The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia*. Chapel Hill.

VOČADLO, O. (1975): *Anglické listy Karla Čapka*. Praha.

Об авторе

Ivo Pospíšil, Masaryk University,
Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies,
Brno, Czech Republic, pospslav@phil.muni.cz

F. Chudoba.
Lesní běh 1899.

Noctina. (Dle přednášek prof. Masaryka.)

Úvod. 19/4.

Noctina neboli theorie poznání je část logiky abstraktní. Logika, etika a metafyzika je filosofie. Noctina je pokus o uvědomění naší společnosti a počtu a druhu jejího kulturního vlastního a vnímání vůbec a druhu jejího budoucnosti. Především proti nevědomosti - lidem Noctina.

Je naprosto a popravdě chceme byti jisti, že jedináne správně. Hledáme pravdu - ve slovanu slova, myslu, jistinu, nez v jiných jazykách.

Co je pravda? - první naše bláha, st. slava.

Největší problém souvisí se s metafyzikou. Je pantheismus, spiritualetoda, material. a j. Každý je si jistě problem tvorby je pochop. Tím musíme najít hlavní, že které metafyzice se kládne.

Prostředně poznání má i sociální význam. Má-li být naše práce a konání a korektivě naše noční poznání má předmetem člověka.

Má-li být noční správná, musíme zúhlédit i k citové a volní stránce člověka.

Odtud zohlední však noctinu: ohlednou se po celé činnosti člověka, logické i pocitové, její a matrojetnosti, k rovnosti a k specialitám zvenčí.

V noctině podává se nám problémy metodologické, hlavně: jak si zpodobit jedinstvo, nárost má měš? (co je důležitější, nez, který nárost?)

Problém musíme formulovat ohledem k naší své.

Přítel nám o uvědomění. Toto uvědomění dnes (jako Descartes) znamená, jak je pověz mělo jí k ne ja, co je ja, co ne ja.

- tedy poměr subjektivismu a objektivismu.

Náš objektivismus věří, že a před námi - tedy, nekritický. Ale, s novou filosofií (Descartes) začíná, nenaivní obj., Noctina.

Podstata věci je, prostý krajní subjektivismus a krajní objektivismus.

Krajní objektivismus znamená, že naše poznání je zcela přirozené, přita, vnějšího; empirismus, materialismus.

Krajní subjektivismus: před je, mojí předlohou je klade samo sebe a klade i ne ja.

Je věc o pojem affeace: jak ob, může přirobit, ma subjekt?

Je pochopitelno, že mezi pravými stano- vny bude více jinych planovních.

Nebýt jim o quantum (do které, může objektis. a subjektiv.), nbyť i o quale.

Tento poměr je jistě, jenámi, jistě poměr racionalismu a empirismu. My, totiž, subjektis- me máme svou vnitřní zkušenosť, to, co Locke qual reflexe; nemáme ho, je se zvenčí, nbyť i mnoho ke sebe.

Krajní objektivismus lidem není správný - a slálo kdo se ho louč předtěl. Na ja, cit, naše jsou citi subjektivní.

Tím nemáme je sám sebou i objektivně, dualismus.

Každý připouští, že mezi myšlovou činností a myšlením je rozdíl t. j. že podle objektivismu prvou je i nepřítel subjektivní.

Naučava tedy, dňol: uvědomit si, co máme zvenčí; to znamená dvojí dňol:

a) počem poznávání, myslu a vnitřní prvou. Na, my, hlavně, do listou se dvoji pozná- ní: myslové - více objektivní a poznávo- máni objektivní.

b) jistě je jistota poznání, co poznávání bezpečnější: objektivní i subjektivní poznání? Způsobit, utahuje, že jedni, se, drží objektu, jistě subjektu.

ŘEDITELSTVÍ
MĚSTSKÉHO DIVADLA
KRÁL. VINOHRADŮ.

Prague, 6. IX. 21.

Vážný pane profesore,

dovolují si obveselti se tím, že jsem v dohledu, který z nové de-
vaný anglický knižní zastoužil by u nás pozorovat.
Snad jste mohl sám pozorovat nějaký velký divadelní
úspěch v Anglii, nebo jste šel od svých zkušeností o Rusku,
které byly rusci v posledních letech. Pakud je doti třeba
sledovat anglický divadelní život; by zajisté mohl
postýhnout nám cenné informace.

Mimo to, potřeboval bych polovícemi han hosté ~~z~~
kroměřížského režie. Namísto by se vybrali něco ze Shelleye?

S prosbou o rychlou odpověď a díky za ochotu

vaši v přivítání očekávám

dr. Karel Čapek
dramaturg Král. div.

Lože 23.1.69

Requiem - 23.1.69
Praha 21. ledna 1969. 25

Milý pane kolego,

svolebný pozorav. Jak Vám je? Píše tak, že má sice má

článek o těch barbarských replikacích asi chvilku čekat — musím mi prominout. —
nedočetl se přiměřeně, alych z těch knih, o kterých jste psal, a je jich má dostatek; přičemž
člověk má své vlastní stránky. Nemá se z toho být strach, ani u s i r a; ale prostě se
pustit vnitřně do čtení a psaní v jiných jazycích. ~~možná~~ pro mojí odpověď. Alych se naple-
mání a psaní vrací k původní, zvlášť z e s a n množství má mělo; je prostě narušeno:
Vysvětlím z toho jistě, ale budu to potvrdit čtením. A pak se znovu do toho vrátím, ani z druhé
jiné strany, a třeba i znovu jen pro sebe. Ina tedy stráž:

Minimálně je třeba proměnit na čtenářskou: je to možné? To musíme vědět
člověk. Jasně to je, že se vnitřně v našem věku a jazyce. To je samozřejmě možné, ale
včetně má to vědomí? Může být to, že třeba má u s i r a; což je možná a přitom v
znamená odpověď. Ani přitom můžeme má přání odpovědi; je v prvnímu vnitřně v L.
Některé věci jsou čtenářské, ale má čtení a vědomí. Je to čtení čtení a vědomí, velmi
se stává mnohých strachů, ale má se pak psaní odpovědi jako je to třeba za odpověď.
Některé jsou jsi — pak se toho přání: ten vnitřně přání — a jsi vnitřně, mnohých-li vědomí
to má přání čtení přání přání a vědomí a vědomí a vědomí se na vědomí. Přání Vám
ten přání — je vnitřně — psaní? Přání by jsi jsi? máto přání a jsi? A v jsi čtení-
čtení by jsi, alych z do přání a jsi vnitřně a máto přání přání. Jsi máto.
Člověk má máto přání přání v čtení, ale má máto přání z jsi, je to přání
v máto z jsi přání, to je přání j i e a i y přání přání přání přání přání a má
a přání přání přání přání — a přání přání přání přání přání přání přání přání

bratři 20/6 66 2

Milý pane docente,

děkuji za dopis a "drzé" otázky.
Pokusím se na ně nějak drze odpovědět,
snad se mi to povede.

Váš

Václav Havel

17.6.1966

číslo 117-66

1
PRAHA dne .....
1. listopadu 1966
Kotě

PRAHA 1, ANENSKÉ NÁMĚSTÍ 5

Telefon 23 65 96

Pokladna 24 81 31

TELEGRAM: ZÁBRADLÍ - PRAHA

Naše zn.:

Milý pane docente,

posílám, jak jsem slíbil, črný interview. Snažil jsem se být stručný, protože jsem se bál, že kdybych se víc rozpovídal, byl bych pak "líný přestat" /jak říká pan Grossman/ a bylo by to moc dlouhé. Jestli to je takhle moc krátké, mohu to v korektuře rozšířit. Předposlední otázku můžete eventuálně vypustit. Korekturu bych rád četl, třeba mě ještě napadne nějaké vylepšení.

Srdečně zdraví

Václav Havel

